

3.2. Гуманитарные заботы 90-х: маленький пример

Прежде чем продолжить, нам, вероятно, следует припомнить простое правило логики. Когда развивается гуманитарный кризис, то аутсайдеры могут выбрать одно из трех:

- 1) способствовать эскалации катастрофы;
- 2) не делать ничего;
- 3) пытаться смягчить катастрофу.

Косово подпадает под первую категорию, Восточный Тимор 1999 года — под вторую категорию (этот особенно уродливый пример, если учесть совсем недавнюю историю, не укладывается в рамки доктрины «смены курса»). Давайте рассмотрим некоторые другие, актуальные сегодня примеры.

Одним из таких поучительных примеров служит Колумбия, на протяжении 90-х гг. бывшая ареной самого тяжелого гуманитарного кризиса в западном полушарии, — не столько потому, что в ней резко усилился сам кризис, сколько потому, что конвейер убийств и террора, запущенный США в Центральной Америке в предыдущие годы, к этому времени в основном достиг своих целей, и теперь, вследствие экономической катастрофы 1980-х, а также альтернатив, предоставляемых изменившейся мировой экономикой, стало возможным поддерживать порядок иными средствами.

Вспомним, что в Косове, по оценкам западных источников, в год, предшествующий бомбардировкам, с обеих сторон было убито 2000 человек и от 200 до 300 тысяч человек стали вынужденными переселенцами внутри страны. Когда начались бомбардировки, Госдепартамент выпустил свой отчет по Колумбии за тот же самый год. Сходство цифр ужасает: 2–3 тысячи убитых, 300 тысяч новых беженцев, 80% кровавых побоищ относится на счет военизированных формирований и армии (это только в тех случаях, когда удалось собрать веские доказательства), которая годами прибегала к помощи этих формирований, также как ABRI делает это на Восточном Тиморе, а сербские военные делали в Косове¹⁷.

Конечно, абсолютных исторических аналогий не бывает. Между Колумбией и Косовом есть различия, и два из них особенно существенны.

Во-первых, для Колумбии такие жестокости не новость (для Косова, согласно НАТО и аналитической литературе, они стали обыденными только с начала 1998 года). Более того, они служат лишь дополнением к ежегодным потерям, которые почти постоянны. Очень схожие оценки прозвучали и в отчете Госдепартамента за 1997 год, а наблюдатели из правозащитных организаций отмечали подобное в течение многих лет¹⁸. В 1998 году, по

данным Госдепартамента, поток беженцев даже превысил таковые за прежние годы. Церковь и другие правозащитные группы оценивают общее число беженцев как значительно превышающее миллион, причем большинство из них — женщины и дети, так что, если иметь в виду только одно это, то налицо один из тяжелейших кризисов в мире. В 1998 году положение ухудшилось до такой степени, что даже один из самых ярких и отважных активистов-правозащитников Колумбии, отец Савьер Жиральдо, стоящий во главе основанного церковью Центра Мира и Справедливости, из-за постоянной угрозы для Жизни вынужден был покинуть страну, оказавшись в числе многих других изгнанников. Годом ранее Международная Амнистия (МА) избрала Колумбию в качестве стартовой площадки для проведения своей глобальной кампании по обеспечению безопасности наблюдателей-правозащитников, — что явилось вполне естественным выбором в свете истории страны¹⁹.

Подобно МА, Хьюман Райтс Уотч, группам, связанным с церковью, и другим организациям, заботящимся о соблюдении прав человека, Госдепартамент делает вывод, что «достоверные заявления о сотрудничестве [вооруженных сил] с военизированными формированиями, включающем случаи как негласной поддержки, так и прямой помощи со стороны представителей вооруженных сил, особенно армии, продолжали поступать» в течение всего 1998 года: «В некоторых регионах между местными военными командирами и военизированными формированиями существовала негласная договоренность, и военизированные группировки свободно вели боевые действия в нескольких областях, находящихся под контролем военных». Есть и куда более подробные сообщения, но основные выводы касательно вооруженных формирований те же: многие убийства «совершались при попустительстве или активном участии сил безопасности», как, например, в октябре 1998 года вновь сообщает Хьюман Райтс Уотч.

Второе различие между Колумбией и Косовом заключается в том, что в случае с Колумбией Вашингтон явно запачкал кровью собственные руки. Проявления государственного террора полностью соответствуют руководящим указаниям администрации президента Кеннеди, которая советовала колумбийским военным «подобрать гражданский и военный персонал... [для того, чтобы]... по мере необходимости выполнять боевые, диверсионные и/или террористические операции против известных сторонников коммунизма. Соединенные Штаты должны поддерживать эти действия». Приводя эти инструкции, Хьюман Райтс Уотч указывает, что в число «известных сторонников коммунизма» входят «критики власти, профсоюзные деятели, организаторы коммун, оппозиционные политики, гражданские лидеры и активисты-правозащитники», а общественный протест в целом был официально клеймен как «способ невооруженного свержения власти»²⁰. Единственная независимая политическая партия подверглась почти полному уничтожению: тысячи ее выборных должностных лиц, кандидатов и активистов пали жертвами политического убийства. В первую очередь жертвами становились крестьяне, особенно те, кто осмеливался поднять голову в этой обстановке грубого подавления и потрясающей нищеты, созданной на фоне высоко оцененного (местными элитами и иностранными инвесторами) экономического успеха.

С ростом насилия в 1990-х годах Колумбия стала основным адресатом американской военной помощи в Западном полушарии, которая заключалась как в поставках оружия, так и в подготовке боевиков. Администрация Клинтона особенно усердно восхваляла президента

Гавирию, чье пребывание на этом посту, как отмечают все основные правозащитные организации, привело к «вопиющему уровню насилия», в чем он даже перещегоолял своих предшественников, поскольку при нем «насилие достигло беспрецедентного уровня». Тогда народ сполна испил чашу страданий. Оружие из США и сегодня продолжает «использоваться в беспорядочных бомбардировках» и других невысимо жестоких операциях, а в 1999 году ожидается еще больший ее приток, после чего Колумбия, вероятно, займет в этом смысле первое место в мире (не считая Израиля и Египта, которые входят в отдельную категорию). Помощь предоставляется под предлогом «войны с наркобизнесом», чему не верит почти никто из серьезных обозревателей²¹.

Этот пример представляет собой актуальную иллюстрацию первого выбора из трех: здесь все действия направлены на эскалацию жестокости, равно как в Косове, и также как это систематически делалось в прошлом, в целом длинном ряду случаев, которые доктрина «смены курса» полностью исключает из рассмотрения.

Конечно, после начала натовских бомбардировок гуманитарный кризис в Косове значительно превзошел уровень такового в Колумбии: «результат», который, согласно высоким источникам из США, был «полностью предсказуемым» или по меньшей мере предвидимым с большой долей вероятности. Спустя два месяца, как уже отмечалось, поток беженцев в соседние страны и разрушение деревень достигли такого же уровня, как в 1948 году в Палестине, — это в дополнение к сотням тысяч новых внутренних переселенцев и зверствам почище чем в Палестине 1948 года (тоже нешуточным), и точный масштаб которых до конца неясен, хотя все это, конечно, будет активно исследоваться и публиковаться, в отличие от иных событий, сопоставимых с этими или даже худших, но освещаемых ненадлежащими источниками²².

Следующим существенным шагом в оценке «нового гуманизма» должна быть постановка вопроса о том, как он отреагировал на те жестокости 1990-х, которые входили в число предсказуемых результатов применения бомбардировок в Косове, — при этом мы будем держаться случаев, в которых цивилизованным государствам ничего не стоило действовать так, чтобы смягчить или устранить подобные гуманитарные катастрофы. Этот шаг тоже оказывается простым и честным.

Провозгласив «новый интернационализм, для которого настало время там, где мы больше не можем мириться с грубым подавлением целых этнических групп», Тони Блэр сделал еще одно заявление, в чем-то более правдоподобное, что «в свою 50-ю годовщину НАТО должно одержать победу»²³. Юбилей НАТО был отпразднован в Вашингтоне в апреле 1999 года, и на это торжество падала мрачная тень этнических чисток, проходивших в Косове в непосредственной близости от натовских границ. Юбилейные собрания получили широкое освещение в прессе. Их участникам и комментаторам потребовалась впечатляющая выдержка, чтобы «не заметить», как одна из самых ужасных этнических чисток 90-х гг., значительно превзошедшая все жестокости, приписываемые Милошевичу в Косове, происходит в границах самого НАТО, в рамках юрисдикции Совета Европы и Европейского Суда по правам человека, который постоянно выносит вердикты, согласно которым член НАТО Турция «несет ответственность за сожженные деревни, бесчеловечное и унижительное обращение с их жителями и прямо-таки наплевательское отношение к заявлениям о грубом

обращении сил безопасности с попавшими в их руки людьми»²⁴. Турция не была формально принята в Европейский Союз: помешала неприглядная летопись состояния прав человека в этой стране, смутившая некоторых европейцев, — в отличие от Вашингтона, который, «оказывается, поддерживает идею о членстве Турции в этом союзе»²⁵. Вновь обратясь к запретной теме, мы обнаружим, что жестокости, творимые в Косове, после натовских бомбардировок стали принадлежать не просто к рангу несправедливостей, чинимых в западном полушарии при поддержке Клинтона, а перешли в ранг зверств, которые можно сравнить с этнической чисткой, проходившей при той же поддержке Клинтона внутри самого НАТО.

Многие годы подавление курдов было главным позором Турции²⁶: дело доходило до того, что даже пользование курдским языком или указание на этническое родство с курдами расценивалось как преступление. Притеснение курдов было столь тотальным, что даже в законе, запрещающем их язык, не использовалось слово «курдский», а говорилось об «употреблении иного, не турецкого языка». Хотя в 1989 году этот закон был отменен, суровые ограничения по-прежнему оставались в силе. Курдские радио и телевидение продолжали находиться на нелегальном положении, курдский язык не мог преподаваться в школах и использоваться в рекламе, родители не должны были давать детям курдские имена и так далее. Нарушителей этих правил безжалостно бросали в турецкие застенки. Вот один из ярких примеров: турецкий социолог, доктор Исмаил Бешикчи, уже однажды отбывший в заключении пятнадцать лет за выступления в защиту прав курдов, в 1991 году был вновь арестован и посажен в тюрьму за издание своей книги («Государственный террор на Ближнем Востоке»), рассказывающей об отношении турецких властей к курдам²⁷.

Защитники турецкого режима очень точно отмечают, что отдельные курды вполне могли бы интегрироваться в турецкое общество — но только при том условии, что они отрекутся от своей национальной принадлежности.

В 1984 году Курдская Рабочая партия (КРП), возглавляемая Абдуллой Оджаланом, начала вести вооруженную борьбу за права курдов. Конфликт продолжался в течение всех 1980-х годов, но военные действия турков, а также акции подавления и террора (закрывание газет, убийства журналистов и так далее) резко усугубились в 1991-92 гг., когда в страну были поставлены вертолеты «черный ястреб» и другое новейшее вооружение из США. В марте 1992 года Оджалан объявил о прекращении огня после переговоров с правительством Тургута Озала, которое сочло данное предложение «истинным шагом к миру». В апреле КРП вновь заявила о прекращении огня, вместе с тем потребовав от правительства, чтобы оно «предоставило [курдам] свободу в сфере культуры и право вещания на курдском языке», а также отменило репрессивное «чрезвычайное законодательство» и ликвидировало «систему патрулирования деревень». Имелись в виду стандартные принципы доктрины о противостоянии мятежникам, осуществлявшейся в Гватемале и многих других местах, согласно которым сельские жители в таких горячих точках мобилизуются на «защиту» своих коммун против партизан или иных смутьянов. Вскоре после этого президент Озал умер. Он «оставил в наследство две разработки в области собственно курдской проблемы», — пишет Тирман, — «слабые начатки более реалистического подхода политиков к факту страданий курдов, и военную стратегию, диктуемую задачей добиться силового превосходства на юго-востоке и осуществлять депортацию курдов с их родных земель. Второе наследство было

более прочным», в значительной степени благодаря предпочтениям правящей миром супердержавы, которая спешно поставляла турецким военным современное вооружение (реактивные самолеты, ракеты, разделители противопехотных мин и т. д.), чтобы способствовать эскалации их террора и этнических чисток. «Турецкие офицеры, обученные в США, применяли методы, знакомые всем крестьянам от Вьетнама до Гватемалы»²⁸, где этнические чистки, резня, террор, пытки и другие зверства осуществлялись силами режимов, находящихся под покровительством США, а порой и непосредственно американскими вооруженными силами. Доктрины, лежащие в основе этих действий, были позаимствованы не у кого-нибудь, а у нацистов, а затем несколько облагорожены для последующего применения в операциях по подавлению мятежей, которые проводились по указке США во всем мире²⁹.

Но нам с вами было предписано забыть эти страницы истории, так что давайте держаться дозволенных временных границ, то есть 1990-х годов.

В начале 90-х страшные жестокости стремительно усиливались, достигнув пика в 1994-96 гг. Одним из показателей этого служит тот факт, что с 1990 по 1994 гг. более миллиона курдов бежали из сельских районов страны в неофициальную курдскую столицу Диярбакир по мере того, как армия опустошала юго-восточные регионы, густо заселенные курдами. По сообщениям прессы, в результате форсированной массовой миграции население Диярбакира за два следующих года выросло более чем на один миллион человек³⁰. В 1994 году турецкий государственный уполномоченный по правам человека докладывал: «Террор в провинции Тунчели есть террор государственный. Именно государство очистило от жителей и сожгло деревни Тунчели. Мы настаиваем на внимании к Тунчели. Это два миллиона бездомных людей на юго-востоке страны. Мы не можем даже обеспечить их всех палатками»³¹.

С этих пор существенно возросло и количество внутренних беженцев, вероятно, до 2,5 или 3 миллионов человек, и, кроме того, неизвестно число тех, кто покинул страну. Одних только «таинственных убийств» курдов (считается, что это дело рук эскадронов смерти) в 1993 и 1994 гг. было до 3200. Они продолжались и далее вместе с пытками, разрушениями около 3500 деревень (это в семь раз больше, чем в Косове, согласно данным, приведенным Клинтонем), бомбовыми атаками с применением напалма и «роковыми случайностями», в совокупности унесшими, по разным оценкам, десятки тысяч жизней; а сколько точно — никто не считал.

В ходе одной особенно дикой, «жестокоей кампании по разрушению деревень» турецкие вооруженные силы «осенью 1994 года стерли с лица земли около 137 деревень в провинции Тунчели, то есть ровно одну треть всех деревень этой большой области, расположенной к северу от Диярбакира. В одной из последних зеленых зон Турции пылали широкие полосы пламени, зажженные с вертолетов и Ф-16, [поставленных из США]» (Тирман).

Турецкая пропаганда, которой в целом созвучна и информация, распространяемая в США, приписывает убийства курдским террористам. Такая же практика проводится в Колумбии, и ей же привычно следует сербская пропаганда. Как почти всякая пропаганда, эти измышления содержат долю истины. Ведь было бы довольно трудно, а то и невозможно,

найти такую войну с агрессией, имперским насилием или внутренним подавлением и кровавыми бойнями, в которой жестокости не творились бы в том числе «террористами» или «сопротивлением» (назовем это в зависимости от того, на чьих позициях мы стоим); и равно трудно найти конфликт подобного рода, который не коренился бы в «тихом насилии», выражающемся в социально-экономическом, культурном и политическом порядке, силой навязанном одной из сторон.

Как передавал с места событий ветеран «Вашингтон пост», корреспондент Джонатан Рэндалл, 1994 год ознаменовался в Турции сразу двумя рекордами: это был «год самых тяжелых репрессий в курдских провинциях» и год, когда Турция стала «крупнейшим индивидуальным импортером американской военной техники и, стало быть, крупнейшим в мире покупателем оружия. Ее арсенал, на восемьдесят процентов американского происхождения, включал танки М-60, истребители-бомбардировщики Ф-16, вертолеты „Кобра“ и „скользящие“ вертолеты „Черный ястреб“, все это рано или поздно было использовано против курдов». Американские фирмы участвуют в обширных совместных производственных проектах с турецкой военной промышленностью. По оценкам специалиста в области производства оружия Уильяма Хартунга, американские налогоплательщики выложили миллионы долларов и на то, чтобы США обучили турецких военнослужащих искусству бороться с курдами. Когда правозащитные организации выявили тот факт, что в Турции для бомбардировок деревень применяются американские реактивные самолеты, администрация Клинтона нашла почти такие же способы уклониться от выполнения законов, требующих прекращения поставок оружия, какие она использовала в Индонезии и других аналогичных ситуациях³². По сообщениям Хьюман Райтс Уотч в 1995 году, «США каждый год пополняли арсеналы Турции современным оружием, становясь соучастником их операций „выжженной земли“, нарушающих фундаментальные принципы международного права». В этих отчетах подробно описываются не только жестокости, ныне знакомые нам по первым полосам любой из газет (пишущей о Косове), но и множество качественно отличных, поскольку Турция могла свободно применять американские реактивные самолеты, вертолеты, танки и другую современную технику, предназначенную для разрушения и кровопролития³³. В дополнение к обычным видам пыток, политических убийств и этнических чисток в летописях войны встречаются указания на такие деяния, как сбрасывание людей с вертолетов (это могли быть заключенные, изнасилованные женщины, которых раздевали прежде чем бросить навстречу смерти), сжигание живьем людей из числа гражданского населения, обмотанных и связанных цепями или электрическим кабелем, и еще длинный и кровавый список других преступлений. Отважные турецкие активисты-правозащитники пытались обнародовать факты подобных бесчинств и пострадали за это. Членов Ассоциации Правозащитников «преследовали, подвергали пыткам, заключали в тюрьмы, а иногда и убивали», их офис в Диярбакире в 1997 году подвергся облеву и был закрыт, вследствие чего до общественности стало доходить еще меньше сообщений о попрании прав человека³⁴.

По словам Тирмана, «жестокие бои» продолжались в течение 1996-97 гг. В 1997 году, когда он писал об этом, «война против курдов была еще в самом разгаре», и она фактически ужесточилась после того, как умолкли «безосновательные комментарии о каком-либо политическом урегулировании». В 1999 году сообщалось, что для продолжения войны в регионе правительство развернуло войска численностью 300 000 человек. Но успех

государственного террора и этнических чисток привел к снижению уровня «необходимой» жестокости по сравнению с серединой 90-х, так что Турция больше не входит в тройку главных адресатов американской военной помощи (после ее постоянных получателей Израиля и Египта), и ее место теперь занимает Колумбия³⁵.

Турецкий самолет (то есть американский с турецкими пилотами) взял курс на бомбардировку Сербии, хотя корреспонденты сообщали о турецких «опасениях, что, поддерживая независимость албанских косоваров, турки могут подстегнуть курдский сепаратизм в пределах собственной страны». Пока же Турция удостоивается громких похвал за свои гуманитарные намерения, и, как уже отмечалось, извлекает выгоду из того, что «Турция доброй воли окрепла в своих действиях по урегулированию кризиса в Косове». Планируя вторжение, представители НАТО выражали надежду на то, что Турция дойдет в Косово наземные войска, и они смогут использовать во благо свой только что приобретенный опыт³⁶.

По наблюдениям Рэнделла, Турция оказала существенную помощь и в Боснии, когда Вашингтон решил, что она «может выступить в качестве дружественного, прозападного, умеренно-мусульманского партнера НАТО» и взять на себя миссию по подготовке бойцов, которую администрация Клинтона сочла «политически рискованной» для себя, поскольку это потребовало бы держать американские войска в Боснии в течение еще долгого времени после принятия дэйтонских соглашений. «Никто публично не высказался насчет того, насколько двусмысленно положение Турции — государства, погрязшего в уничтожении своего курдского меньшинства и помогающего осажденным мусульманам Боснии выжить в борьбе со сторонниками „великой“ Хорватии или Сербии».

Вашингтон заявляет, будто он не в состоянии расследовать военные преступления в юго-восточной Турции из-за того, что турки запрещают американцам въезд в этот регион. «Громкие заявления американского правительства о своей неспособности серьезно оценить действия военного союзника по НАТО кажутся малоубедительными, учитывая, какие мощные следственные ресурсы имеются в его распоряжении», — весьма сдержанно комментирует эти заявления Хьюман Райтс Уотч. Кроме того, «повсюду, где Турция осуществляла свою многообразную тактику выжженной земли, американские войска, самолеты и разведывательные группы все еще остаются на своих постах, разбросанных по всей Турции, вперемешку с местными войсками, предназначенными для борьбы с мятежниками, и летными экипажами, базы которых расположены на юго-востоке как, например, Инжирлик и Диярбакир», — базы, с которых США регулярно совершают атаки на Ирак, а Турция вторгается в Северный Ирак с целью наказать курдов, следуя практике своего близкого партнера — Израиля, который сейчас использует базы Восточной Турции для тренировочных полетов своих современных (американского происхождения) самолетов и для наращивания турецкой военной мощи. На этих главных американских базах находится также ядерное оружие, и Израиль имеет, по крайней мере, возможность делать то же самое. Пока американские самолеты, базирующиеся в Инжирлике, патрулируют Северный Ирак и сбрасывают бомбы на системы противовоздушной обороны, якобы для того, чтобы защитить иракских курдов, «в своих регулярных боевых вылетах севернее иракской границы Турция в это же самое время использует импортированные из США реактивные самолеты и штурмовые вертолеты, а также предоставленные американцами

разведывательные данные для борьбы с тем же курдским населением Ирака»³⁷.

Отчеты Госдепартамента по правам человека с самого первого их появления подвергались определенной критике со стороны правозащитных организаций за недооценку жестокостей, совершаемых в Турции, и особенно резкой критике в 1980-х гг. за звучавшую в них апологетику государственного террора в рамках режимов, опекаемых США. Критикуя отчет за 1994 год, когда вместе с ростом американской помощи жестокость военного противостояния в Турции достигла своего пика, Адвокатский комитет отмечал, что этот отчет «дает лишь поверхностную картину самого вопиющего массового нарушения прав человека в Турции в продолжение 1994 года, а именно стремительной кампании турецкой армии по разрушению курдских деревень, сопровождавшейся поджогом лесов и насильственным перемещением населения юго-восточных регионов страны. Обширные пространства обжитых земель были превращены в выжженные территории, и огромное количество людей, по многим оценкам свыше двух миллионов, были изгнаны из своих домов и вынуждены искать пристанища в городах. Отчет либо обходит эти преступления молчанием, либо говорит о них на языке эвфемизмов, что очень напоминает приемы, которые использовались в официальных заявлениях турецких властей»³⁸.

Вероятно, от официальных ведомств и нечего ожидать большего. И также, наверное, наивно было бы полагать, что представители интеллектуальной культуры в целом и элитных средств массовой информации в частности признают те прописные моральные истины, о которых мы говорили выше. Но широкой публике нет резона соглашаться с их требованиями, и всякий, кто воспринимает эти нравственные трюизмы всерьез, обязан приложить все силы, чтобы остановить ужасные преступления, в которые мы вовлечены, пусть и не сознавая того, благодаря господствующим информационным системам.

НАТО «ничего не сделало для того, чтобы наладить механизмы контроля, которые позволили бы ограничить произвол турецких вооруженных сил», чьи представители часто входят в командные структуры НАТО, — продолжает Хьюман Райтс Уотч.

В то время как большинство других поставщиков оружия пытались изображать хотя бы слабый протест (вводя временные запреты на поставки и пр.), Вашингтон неумолимо следует «нашим ценностям», как интерпретирует ситуацию его политическое руководство, продолжающее хранить молчание и поддерживать Турцию.

Как и в других случаях, упреки в «двойном стандарте» здесь некорректны: «наши ценности» насаждаются без малейших признаков непоследовательности.

По сообщению Тирмана, Турция высоко оценила позицию Вашингтона. «Нам не приходится жаловаться на администрацию Клинтона», — комментировало одно высокое должностное лицо, — «в северном Ираке, в НАТО, Боснии, в экономике и торговле — она всегда поступает правильно, всегда приходит на помощь. [Помощник госсекретаря Ричард] Холбрук и [посол Марк] Гроссман действуют просто блестяще». Один дипломат из американского посольства превозносил военную поддержку, оказываемую США Турции, как «стимулы», которые помогут ей стать «страной, поддерживающей наши ценности» или, вернее сказать, последовать примеру индонезийского президента Сухарто — «своего парня», каковым

выставляла его администрация Клинтона до тех пор, пока он не начал делать ошибки (утратил контроль над своими людьми и не проявил достаточной воли, чтобы навязать населению жесткие условия МВФ). «С нашей стороны было бы несправедливо принуждать Турцию к тому, чтобы она не просто была демократической страной, но и признавала права человека, и при этом не помогать турецким властям справиться с терроризмом непосредственно на их территории», — добавляет к этому вице-президент Эл Гор, оправдывая таким образом колоссальные поставки оружия, предназначенного для внутренних репрессий и этнических чисток³⁹.

Тирман отмечает, что о «бушующей» войне Турции против курдов «совершенно ничего не знали многие американцы», которые фактически оплачивали ее. По наблюдениям других авторов, «изуверская тактика выжженной земли... с вырубанием лесов и сожжением деревень, осуществлялась при незначительном внимании со стороны прессы, минимуме общественных дебатов и без всякого осуждения представителями Объединенных Наций» (Мак-Кирнан). Таково обычное положение вещей, и вполне очевидно, кому оно выгодно.

Нельзя сказать, что обращение Турции со своим курдским населением вовсе не удостоилось внимания прессы, хотя неприятные факты, способные омрачить всеобщий восторг перед доктриной «нового гуманизма», при этом были опущены. Поводом для ряда публикаций послужило судебное разбирательство (если в данном случае уместно такое определение), связанное с похищением Оджалана, совершенным турецкими силами в Кении, безусловно, при соучастии США⁴⁰. Корреспондент «Нью-Йорк Таймс» Стивен Кинзер писал, что большинство из 10 миллионов турецких курдов «происходит из юго-восточных областей, где последние пятнадцать лет царило насилие. Одни говорят, что их угнетают турецкие власти, но правительство настаивает на том, что курдам предоставлены равные права со всеми другими гражданами». «От курдов, представителей особой этнической группы Турции и соседних с ней стран, уже давно поступали жалобы на государственное притеснение их языка и культуры. Курдские партизаны пятнадцать лет вели войну с турецким правительством: по различным оценкам, эта борьба унесла более 30 000 жизней и стоила Анкаре 100 миллиардов долларов». Главная мысль сообщений Кинзера о захвате Оджалана, которые публиковались несколькими месяцами ранее и включали в себя сноски с указаниями на некоторые факты, сводилась к тому, что все это явилось «для несчастных курдов одной из величайших трагедий нового времени», вероятно, сравнимой с «белым геноцидом» времен правления Клинтона или газовыми атаками на курдов, предпринимавшимися Саддамом Хуссейном⁴¹.

Думается, вряд ли кто рискнет упрекнуть Кинзера во лжи. Точно так же не назовешь лживым и сообщение из Косова, авторы которого удовольствовались бы замечаниями о том, что многие представители албанского меньшинства Сербии «происходят из Косова, где последние восемь лет царило насилие. Албанцы говорят, что их подавляет правительство сербов, но сербские власти настаивают на том, что албанскому меньшинству предоставлены равные права со всеми другими гражданами. От албанцев, представителей особой этнической группы ФРЮ и соседних с ней стран, уже давно поступали жалобы на чинимые властями притеснения их языка и культуры. Албанские партизаны восемь лет вели войну с сербским правительством: по различным оценкам, эта борьба унесла более X жизней и стоила Белграду Y долларов». (Можно подставить различные цифры на место X и Y, в

зависимости от даты подобного сообщения.) Все сказанное здесь верно, но это далеко не полная картина. Впрочем, и само сравнение Турции с Косовом не совсем точно. Репрессии и жестокости, совершавшиеся при поддержке США в Турции, на самом деле были куда более продолжительными, и тот факт, что в 1990-х годах они достигли апогея, здесь не приходится увязывать с угрозой предстоящего вторжения ведущей мировой военной державы или уже состоявшимися бомбардировками.

Как ранее отмечалось, вместе с информацией о косовском мирном соглашении в «Таймс» была опубликована и заметка о том, что «самый известный правозащитник Турции [Акин Бирдал] был заключен в тюрьму», поскольку он «вынудил государство достичь мирного урегулирования с курдскими повстанцами», как семь лет назад уже предлагали представители РКК, но их предложение было отклонено Анкарой и Вашингтоном, которые предпочли этнические чистки, государственный террор и массовые пытки. Человеческий разум не в силах постигнуть почему, когда Бирдал начал отбывать наказание, турецкий парламент «большинством голосов утвердил новое правительство, которое обязалось разгромить курдских партизан, сражающихся за свою родину на юго-востоке Турции». Новое правительство обещало «не оставить и следа от курдских повстанцев и исключало всякую возможность переговоров с их лидером Абдуллой Оджаланом, несмотря на его многократные попытки заключить мир с властями», предпринимавшиеся в период суда над ним; в действительности они предпринимались Оджаланом еще с 1992 года. Таким образом, новое правительство не смогло осуществить «надежды друзей Турции», выражаемые национальной прессой. За день до того, как новое правительство было утверждено, прокуроры просили суд «приговорить Оджалана к смертной казни за руководство Курдской Рабочей Партией в ее пятнадцатилетней войне за автономию курдов на юго-востоке Турции», — что могло только подорвать последние надежды на мирное урегулирование и создать условия для дальнейшего усугубления трагедии⁴². Авторитетные печатные органы также в основном избегали данной темы, особенно в период всеобщего возмущения по поводу сербского дьявола, чьи действия «абсолютно сопоставимы с насильственной депортацией целых этнических групп во времена Сталина и Гитлера» (это лишь одно из многих таких сравнений, его автор — Тимоти Гартон Эш из «Нью-Йорк Ревью»)⁴³. Подобно другим комментаторам, которые пытались всерьез подойти к вопросу, Гартон Эш признает, что реанимация сербами методов Гитлера и Сталина «приняла поистине драматические масштабы вскоре после начала воздушных атак». Можно ли было это предвидеть? Поразмыслив, он приходит к выводу, что эти последствия могли быть очевидными «для политиков бывшей Югославии и других нецивилизованных государств», но «не для нас, живущих в нормальном мире». Наш «нормальный мир» до сих пор не понял, что дьявол уже бродит по свету, хотя начиная с марта 1999 года мы «усвоили или освежили в своей памяти, несколько глубоко отрезвляющих уроков относительно человеческой способности ко злу» и даже «о Соединенных Штатах Америки», которые радикально нарушили защищаемые ими ценности своей приверженностью косовской «войне без потерь».

Говоря словами Оруэлла, как-то «неприлично упоминать», что «нормальный мир» не просто беспечно уживается с потрясающим масштабом жестокостей, но и активно выступает в роли их инициатора и проводника, оказывает решающую поддержку и рукоплещет им, подчас переживая настоящую эйфорию⁴⁴, — и так повсюду: от Юго-Восточной и Западной Азии до Центральной Америки и Турции, не говоря уже обо всем, что относится к более ранней

истории. Подобные досадные недоразумения не порочат образа нормального мира с его «ореолом святости», хотя, даже находясь на такой «благородной фазе» развития, мы должны признавать собственные грехи: настаивать на косовской «войне без потерь» было преступлением, которое не прикроешь фиговым листком «сознательного игнорирования».

Достижения достойны восхищения. Обратимся к другим современным образчикам жанра, которые, разумеется, имеют долгую и поучительную историю не только в контексте англо-американской культуры.

«Нью-Йорк Ревью» была, однако, непохожа на саму себя и, наверное, вообще уникальна в том, как она пыталась прервать поток искренних упреков в адрес Сербии, уподобляемой режимам Гитлера и Сталина, в статье под названием «Справедливость и курды», которая одновременно являлась обзором книги, охарактеризованной как «самое серьезное и убедительное исследование курдского вопроса в Турции на сегодняшний день»⁴⁵. Каковы бы ни были достоинства анализируемого произведения, похвала в его адрес может быть безосновательной уже потому, что данное исследование явно и намеренно обходит тему «справедливости и курдов». Как подчеркивается в самых первых предложениях книги, оно посвящено совершенно другим вопросам, а именно, вопросам о необходимых мерах, которые стоят перед «турецкими политиками и турецким обществом, а также друзьями и союзниками Турции». Это «политологическое исследование», инспирированное заинтересованностью относительно «будущей стабильности и благополучия Турции как ключевого партнера Америки» и «способности [властей] находить удовлетворительные решения изматывающей турецкой проблемы». В самом начале своего исследования авторы подчеркнули, что оно не будет касаться «прав человека в Турции», о которых они упоминают лишь мимоходом, в отдельных фразах. В подстрочных комментариях можно встретить цитаты из отчетов Хьюман Райтс Уотч примерно такого порядка: мы не можем сказать, что «армия непричастна к нарушениям прав человека». Политика властей на юго-востоке удостоивается лишь нескольких предложений, содержащих главным образом критику ее тактических аспектов. В аннотации же книги политика Турции в отношении курдов затрагивается в стиле «похвал сквозь зубы», который резко контрастирует с потоком негодования по поводу нынешнего официального врага (Сербии).

Во всей публикуемой литературе, а также, как я полагаю, на телевидении и радио весьма заметно несоответствие в освещении событий и интересе к ним, с одной стороны, и реальным положением вещей, с другой, — даже если на мгновение забыть о тех моральных трюизмах, которые предписывали бы обозревателям принять противоположный уклон. Как со скучным постоянством свидетельствуют различные материалы, степень верности их авторов данной модели является поистине впечатляющей для свободных обществ, в рамках которых едва ли возможны какие-то суровые наказания за приверженность прописным истинам нравственности.

Пример с США и Турцией вновь иллюстрирует рассмотренный выше «первый выбор» — содействовать эскалации жестокостей, в данном случае в массовом масштабе, и можно быть абсолютно уверенными, что если даже цивилизованные государства продолжат эскалацию жестокостей на Балканах, начав, как в Колумбии и, вероятно, доведя ее до такого же уровня, как в данном внутринатовском примере, то никаких досадных, ненужных вопросов

это не вызовет. Хотя жестокости, творимые на Балканах, вполне укладываются в назначенные временные рамки и, конечно, продолжают происходить прямо сейчас, они не имеют отношения к принципам «нового гуманизма», согласно которым, «если этнические конфликты перерастают в этническую чистку — а разницу между этими понятиями мы способны почувствовать, — то мы должны пытаться что-то делать». «Косово — явно такой случай», как объявил Клинтон, когда отдал приказ о бомбежке, но само НАТО — явно не такой случай, поскольку в его рамках куда более дикие этнические чистки принято только усугублять.

Презрение США и Великобритании к правам курдов имеет долгую и печально известную историю, в которую входит пресловутая сдача курдов на произвол иракского террора в 1975 году (иллюстрирующая замечание Киссинджера о том, что «обращение в веру не следует смешивать с миссионерской работой»), и затем вновь в 1988-м, когда на то, что Саддам травит курдов газом, США и Великобритания отреагировали усиленным оказанием военной и иной помощи своему другу и союзнику; особенно большое значение имели поставки американского продовольствия, — не только потому, что это был, по сути, подарок налогоплательщиков США аграрному бизнесу, но и потому, что саддамовские акции террора привели к разрушению многих пищевых производств Ирака⁴⁶.

В случае с Великобританией эта история еще длиннее. Здесь многое объясняет тот факт, что после Первой мировой войны британская корона была более неспособна контролировать всю империю с помощью только наземных сил и обратилась к новому оружию военно-воздушных сил и отравляющим веществам; последние были любимым средством Уинстона Черчилля в борьбе против «нецивилизованных племен» и «непокорных арабов» (курдов и афганцев). Возможно, именно эти непримиримые элементы и имел в виду знаменитый государственный деятель Ллойд Джордж, когда он, приветствуя успех Британии, заблокировавшей международный договор, целью которого являлось запрещение бомбардировок гражданского населения, «настаивал на сохранении [за Британией] права бомбить черномазых».

Хотя все это, вероятно, должно относиться к разряду того, о чем «упоминать неприлично», не всякому удастся соблюсти подобную осторожность, всегда кто-нибудь случайно отклонится от этого правила. Так, Уильям Уолдергрейв, ответственный за инициативу «открытого правительства» премьер-министра Джона Мэйджора, приказал изъять из Паблик Рекорд Оффис «материалы, содержащие подробности о том, как британские войска в 1919 году применяли ядовитый газ против иракских диссидентов (включая курдов)». Эта «по-детски нелепая попытка исправить постыдное прошлое» соответствовала той же модели, что и действия реакционеров-статистиков администрации Рейгана, чье пылкое стремление защитить государственную власть от испытующих взглядов общественности дошло до таких крайностей, что историки Государственного Департамента в знак публичного протеста ушли в отставку⁴⁷.

Давайте обратимся к одной из последних иллюстраций практики «нового гуманизма», не выходящей за определенные нами временные границы (1990-е гг.), этот случай, оказывается, имеет прямые последствия и для ситуации на Балканах.

Каждый год тысячи людей, в основном, дети, а также беднейшие крестьяне погибают на Равнине Кувшинов в Северном Лаосе: это место становится мишенью самых массированных бомбардировок гражданского населения в истории человечества, и, бесспорно, самых неистовых и жестоких, яростные атаки Вашингтона на бедные крестьянские общины имеют отдаленное отношение к его войнам в регионе. Нынешние тяжелые времена наступили после 1968 года, когда Вашингтон (под давлением общественности и деловых кругов) был вынужден пойти на соблюдение договоренностей об урегулировании и, таким образом, объявить передышку в регулярных бомбардировках Северного Вьетнама, превративших большую часть его территории в груды Руин. Лишившись этих целей, самолеты переключились на бомбардировку Лаоса и Камбоджи, со всеми вытекающими отсюда и хорошо известными последствиями.

Смерть сеют в этом регионе так называемые «бомбочки» — кассетные бомбы, крохотное противопехотное осколочное оружие, которое гораздо хуже фугасов: они задуманы специально для того, чтобы убивать и калечить, при этом не нанося ущерба грузовикам и строениям. «Бомбочки» — это действующее снаряжение, которое пакуется в кассетные бомбы и размером меньше сжатого кулака⁴⁸. Равнина была напичкана сотнями миллионов этих варварских устройств, коэффициент несрабатывания которых, если верить фирме-производителю «Хонейуэлл» (ныне «бомбочками» занимается ее филиал «Эллаент Тексистемс»), составлял от 20 до 30 процентов. Эти цифры указывают либо на чрезвычайно слабый контроль качества, либо на продуманную политику убийств гражданского населения посредством оружия с таким «отложенным» действием. Такие «бомбочки» составляли лишь часть применявшейся технологии убийства, в которую входили и новейшие боеприпасы, используемые для поражения людей в пещерах, где искали убежища целые семьи, один такой снаряд способен уничтожить сотни людей. Ныне от «бомбочек» ежегодно страдает, по разным оценкам, от нескольких сотен до «годовых общенациональных коэффициентов пострадавших от несчастных случаев, оцениваемых в 20 000 человек»; более половины случаев — смертельные, как сообщает ветеран азиатской редакции «Уолл Стрит Джорнал», корреспондент Барри Уэйн в азиатском выпуске газеты⁴⁹.

Итак, по самым сдержанным оценкам, каждый год этого кризиса по человеческим жертвам сопоставим с тем годом в Косове, который предшествовал бомбардировкам НАТО, хотя в Лаосе, как и в Колумбии, такие цифры каждый год, а больше половины погибших составляют дети, что явствует из исследовательского отчета Центрального Комитета двеннонитов, который работал в Северном Лаосе с 1977 года, стараясь как-то умерить непрерывные, жестокости.

Некоторые попытки публично констатировать гуманитарную катастрофу и справиться с ней все-таки предпринимались. Британская «Майне Эдвайзори Груп» (группа экспертов-саперов МЭГ) пыталась заняться изъятием смертоносных объектов, но США «откровенно сторонится горстки западных организаций, вставших на сторону МЭГ», сообщает британская пресса, хотя в конце концов они согласились взять на себя соответствующее обучение нескольких лаосских гражданских лиц. Британская пресса также с некоторой досадой сообщает о заявлении специалистов МЭГ, будто США отказываются снабдить их «методиками, позволяющими снизить возможный ущерб от этой работы», благодаря которым ее можно было бы провести «гораздо быстрее и значительно безопаснее». Эти методики остаются в

числе государственных тайн, как и все, что разрабатывается в Соединенных Штатах Америки. По сообщениям бангкокской прессы, то же самое происходит в Камбодже, особенно в Восточном регионе, где самые интенсивные бомбардировки США вели с начала 1969 года⁵⁰.

В редкой для американской прессы публикации под заголовком «США очищает Лаос от неразорвавшихся мин» с гордостью сообщается о том, что «стриженные американские офицеры обучают лаосцев в рамках международной программы по удалению сотен, если не тысяч неразорвавшихся орудий, представляющих угрозу для лаосских крестьян». Даже закрыв глаза на несколько упущений, сделанных авторами статьи, мы должны констатировать, что в действительности все обстоит немного иначе: только на трети гектара школьного двора экспертами МЭГ было обнаружено целых 700 «бомбочек», а, как уже отмечалось, основными жертвами этого оружия являются дети. На первой странице того же самого ежедневного общенационального издания опубликовано сообщение под названием «Одиночка открывает кампанию обезвреживания мин», воздающее хвалу японскому предпринимателю, фирма которого создает технологию по удалению фугасов, применявшихся советскими войсками в Афганистане⁵¹.

В случае с Лаосом, как и с Восточным Тимором, Вашингтон сегодня выбирает уже известный нам второй вариант: ничегонеделание. Учитывая масштабность роли, которую Соединенные Штаты играют в мире, можно сказать, что здесь их безразличие еще более пагубно, чем в ситуации с Восточным Тимором. Реакция на это средств массовой информации и комментаторов событий ограничивается молчанием, как того и диктуют нормы, в рамках которых действия против Лаоса были заявлены как «тайная война»: на самом деле ясная как божий день, но просто замалчиваемая, подобно бомбардировкам Камбоджи, проходившим с марта 1969 года. Тогда уровень самоцензуры был просто фантастическим, как и при текущих событиях. Эти события, а также прошлая и нынешняя реакция на них весьма красноречиво свидетельствуют о сути «нового гуманизма» и того «нормального мира», в котором нам так комфортно живется.

К апрелю 1999 года американские корреспонденты в Косове непосредственно с места событий сообщали о том, что НАТО применяет кассетные бомбы, превращая «части края в безжизненную пустыню», «напичканную» неразорвавшимися бомбочками; как уже отмечалось, кассетные бомбы использовались и с целью массового убийства сербских солдат, которых предварительно выманили из укрытий атаками на границы защищаемых ими территорий. Как в Лаосе и везде, где применялось и применяется это оружие, оно причиняет «ужасные ранения»: только в госпитале Приштины от них лечится несколько сотен человек, почти половина жертв — гражданские лица, в том числе убитые и раненые албанские дети, и, в основном, все это пострадавшие от кассетных бомб с отложенным действием, призванных убивать и калечить без всякого предупреждения⁵².

Правдоподобные сообщения об использовании кассетных бомб попали в поле зрения Британской кампании за прозрачную и поддающуюся учету торговлю оружием, организации, которая выступила с обвинением Тони Блэра, Робина Кука и министра обороны Джорджа Робертсона в «преступной небрежности» в связи с развертыванием и применением этого оружия массового террора и в очевидном Нарушении оттавской «Конвенции о запрещении использования, накопления, производства и перевозки

противопехотных мин и об их уничтожении», а также британского законодательства, которое приводит закон этой страны в соответствие с Международной конвенцией. США нельзя адресовать подобные обвинения, поскольку они отказались подписать оттавскую конвенцию, чем подтвердили свою обычную позицию по отношению к конвенциям о правах человека и международным законам в целом⁵³.

Согласно косовским мирным соглашениям, сербские вооруженные силы должны обезвредить минные поля; помимо ограниченного патрулирования границ, им дозволяется проникать в Косово только для этой цели. Совершенно логично, что от них требуется удалить те мины, которые они заложили, готовясь к натовскому вторжению, — то есть то, что, безусловно, создает серьезную опасность для мирного населения. Как справедливо заявил военный представитель НАТО полковник Конрад Фрейтаг, «сербские силы были ответственны за минирование, пусть они будут ответственными и за разминирование»⁵⁴.

Что касается идеи о том, что сами США, наверное, тоже несут некоторую ответственность за расчистку смертоносных осколков их собственных многочисленных и позорных преступлений, или хотя бы за предоставление информации, которая позволила бы сделать это другим, не рискуя разделить судьбу тысяч, кто гибнет от мин каждый год и прямо сейчас, то она слишком экстравагантна, чтобы ее рассматривать, судя по нулевой реакции.

Президент Клинтон объяснил нации, что «бывают времена, когда мы просто не можем позволить себе отворачиваться от проблем»; «мы не можем реагировать на каждую трагедию, происходящую в любом уголке света», но это не означает, что «мы никому и ничем не должны помогать»⁵⁵.

Позиция Клинтона имеет свое оправдание. Даже ангел во плоти не мог бы уделить внимание каждой проблеме в мире, и даже государство «святое Папы Римского» (наверное, оно хотело бы называться «государством нравственным», если такое вообще можно себе представить) вынуждено думать и выбирать. Но президент и многочисленные комментаторы, озвучивающие его позицию, не удосуживаются добавить, что эти «времена» имеют очень точное определение. Данный принцип прилагается к «гуманитарным кризисам» в весьма конкретном смысле слова, то есть там, где опасность грозит интересам сильных мира сего. Примеры, которые мы рассмотрели, соответственно, не относятся к разряду «гуманитарных кризисов», поэтому «отворачиваться» и «не реагировать» здесь является сознательным, если не единственно необходимым выбором. На тех же основаниях можно считать легитимной и политику Клинтона в отношении Африки — политику, в понимании западных дипломатов, состоящую в том, чтобы «предоставить Африке самой справляться с собственными кризисами». Например, в Республике Конго, арене большой войны и колоссальных жестокостей. Здесь Клинтон отклонил просьбу ООН выделить очень незначительную сумму на обеспечение батальона миротворческих сил; согласно старшему эмиссару ООН в Африке, почтенному дипломату Мохаммеду Сахуну, этот отказ «торпедировал» предложение ООН. В случае со Сьерра-Леоне в 1977 году, «Вашингтон затягивал обсуждение британского предложения о развертывании корпуса миротворцев», тем самым открывая дорогу другому крупному бедствию, впрочем, тоже из разряда тех, в отношении которых предпочтительнее «отворачиваться». Да и во всех других случаях «Соединенные Штаты, по словам дипломатов от Европы и ООН, активно препятствовали

усилиям Объединенных Наций по организации миротворческих операций, которые могли бы предотвратить некоторые из африканских войн», — сообщал корреспондент Колум Ланч в тот период, когда планы бомбардировок Сербии были готовы воплотиться в реальность⁵⁶.

Банальный рефрен о том, что «мы не можем реагировать на каждую трагедию, происходящую в любом уголке света», есть не более чем трусливая отговорка. То же самое относится к шаблонным реакциям на случайные нетактичные замечания о том, что преступления Милошевича в Косове — в современном мире далеко не единственные: даже если мы «игнорируем вполне сопоставимые с ними зверства, происходящие в Африке и Азии», на этот раз мы тем не менее делаем правильный шаг, применяя силу в ответ «на тяжесть положения косоваров», и за это нам следует аплодировать⁵⁷. Оставив в стороне то обстоятельство, что положение косоваров все-таки в значительной степени принято считать результатом такого ответа, на наш взгляд, не совсем справедливо и то, что цивилизованные государства всего лишь «игнорируют зверства, сопоставимые с косовскими», напротив, они, как правило, вмешиваются в такие события, способствуя их эскалации, либо оказываются их инициаторами и руководителями, и особенно впечатляет то, как они делают это в доступных для нашего обозрения временных границах (1990-х) и прямо внутри самого НАТО — взять хотя бы один из рассмотренных здесь примеров, игнорировать который стоило бы цивилизованным государствам самых больших усилий.

Я опущу другие примеры первого и второго выбора, которых превеликое множество, а также примеры жестокостей иного масштаба, творимых в современную эпоху, таких как уничтожение мирного иракского населения посредством самого коварного вида биологической войны, ибо только так и можно назвать необратимое разрушение систем водоснабжения и канализации, электрической и иной инфраструктуры, дополняемое невозможностью доставить медикаменты. Новые гуманисты не проигнорировали моральных проблем, которые встают перед ними. Это был «очень тяжелый выбор», — вещала по национальному телевидению в 1996 году Мадлен Олбрайт, отвечая на вопрос о том, как она относится к тому, что за пять лет было убито полмиллиона иракских детей, — «но если говорить о цене, мы думаем, что дело того стоило». И три года спустя эти моральные критерии нисколько не изменялись, хотя потери среди мирного населения все возрастают, и мы в который раз, с новым пылом, предаемся вере в «идею, отстаиваемую государственным секретарем Мадлен К. Олбрайт, о том, что защита прав человека является своего рода миссией»⁵⁸.

По сегодняшним оценкам, в Ираке по-прежнему погибает около четырех тысяч детей в месяц. Эмбарго — дело прежде всего США и Великобритании — только упрочило власть Саддама Хуссейна, разорив при этом гражданское общество. Согласно почтенному дипломату ООН Денису Холлидею, который, вероятно, знает Ирак лучше, чем кто-либо на Западе, и демонстративно подал в отставку с поста координатора гуманитарной помощи в Багдаде в знак протеста против политики, которую он считает «геноцидом», цена этих мер не сводится к огромным физическим потерям, болезням и социальной дезинтеграции: «молодое поколение иракских профессионалов, политических лидеров будущего — разочарованных, озлобленных, расколотых, оказавшихся в опасном отчуждении от всего остального мира, — мужает в обстановке, которая мало чем отличается от атмосферы Германии после подписания Версальского договора», и многие из них уже «находят

нынешнее руководство и продолжение его диалога и поиски компромисса с ООН неприемлемым, слишком „умеренным“». Холидей предупреждает о том, что дополнением к сегодняшним смертям и отчаянию могут стать «долгосрочные социальные и политические последствия данных санкций»⁵⁹.

Как считают два весьма прозорливых военных аналитика, «вполне возможно, что экономические санкции явились необходимой (вот как! — Н. Х.) причиной больших людских потерь в Ираке, чем все вместе взятые потери в его истории, вызванные применениями так называемого оружия массового поражения». Находясь в Багдаде, Дэвид Шоррок наблюдал «последствия чудовищного социального эксперимента над народом Ирака», который проводит Запад, не без оснований предполагая, что подобная модель избрана «нормальным миром» и для Сербии⁶⁰.

Мы можем припомнить, что в отличие от «сознательного игнорирования» такова стандартная методика поведения цивилизованных государств в тех случаях, когда кто-то отступает от предначертанной ими линии, — как это сделал в августе 1990-го Саддам Хуссейн, который быстро превратился из любимого друга в сущего дьявола, как только решился совершить преступления, бывшие хоть и весьма скверными, но отнюдь не новыми (больше всего администрация Буша боялась того, что, если не сорвать переговоры, то он может повторить то, что сами США только что проделали в Панаме) и даже не слишком смелыми по его диким стандартам, прежде не создававшим никаких серьезных проблем для цивилизованных государств. Или возьмем Никарагуа: двадцать лет назад и эта страна не внушала беспокойства «нормальному миру», пока обеспеченная и обученная американцами армия Сомосы убивала десятки тысяч людей, но затем она преступно ослушалась сверхдержаву и в наказание очутилась на втором месте в списке беднейших стран полушария (после Гаити). Или, к примеру, Куба, в течение сорока лет переживавшая террор и беспрецедентную экономическую войну в условиях санкций на поставки даже продуктов и медикаментов, что особенно эффективно, причем санкции эти были вызваны не преступлениями Кастро, а, как мы узнаем от интеллектуалов из круга Кеннеди, озабоченностью цивилизованных государств «распространением идеи Кастро, что собственные дела следует решать самим», что является серьезной проблемой для всей Латинской Америки, где «распределение земель и других форм национальной собственности осуществляется с величайшей выгодой для имущих классов, [а] бедные и непривилегированные, вдохновленные примером кубинской революции, сегодня требуют приличных условий жизни и для себя»⁶¹.

Об этих и многих других примерах нам, наверное, следует помнить всякий раз, когда мы читаем восторженные отклики о том, что «нравственный компас» администрации Клинтона наконец-то сработал правильно, и это случилось в Косове⁶².

Нам могут возразить, заметив, что выбор фактов несправедлив и не учитывает тех случаев, которые обычно приводятся в качестве хороших примеров «нового гуманизма»: Сомали и Гаити. Подобные заявления оправданы, но имеют и слабую сторону: беглый взгляд на эти случаи позволяет понять, что в действительности все куда грязнее и непригляднее.

Нет никакого сомнения в том, что Вашингтон сыграл основную роль в сомалийской трагедии 90-х, а затем устранился, выжидая, пока конфликт пойдет на убыль и можно будет беспрепятственно распределять гуманитарную помощь. То, что американская интервенция в декабре 1992 года была эффектной пиаровской акцией, признавалось даже обычно поддерживающими Вашингтон средствами массовой информации, которые иронизировали по поводу «голливудского качества вторжения», описывая его как «витрину» военного бюджета, «своевременно нащупанную золотую жилу для паблик рилэйшнз». По выражению Колина Пауэлла, главы Объединенного комитета начальников штабов, это была «оплаченная политическая реклама» планов интервенционистских сил. Но вскоре ситуация начала приобретать зловещий характер, и главным образом благодаря военной доктрине Соединенных Штатов, которая требует массированного применения силы всякий раз, когда под угрозой оказываются солдаты американской армии⁶³.

В октябре 1993-го «преступная некомпетентность вооруженных сил США привела к тому, что от американского оружия погибло более 1000 сомалийцев», как позднее сообщалось в прессе. По официальным оценкам, только летом 1993 года жертвами американского вторжения стали от 6 до 10 тысяч сомалийцев, две трети из которых составляли дети и женщины. Эти цифры весьма приблизительны: как отмечалось в одном сообщении, «репортеры, как правило, не затрудняли себя сбором данных о жертвах среди мирного населения в Сомали»⁶⁴.

Последние подразделения военно-морских сил США оставили Сомали после шквала орудийного огня, по словам корреспондента «Лос-Анджелес Таймс» Джона Бальзара, в сто раз превышавшего силу предыдущих атак. Американское командование не считало случайные жертвы среди сомалийцев, сообщает Бальзар, и, конечно, не учитывало убитых по причине того, что военным «просто показалось, будто они представляют угрозу». Генерал-лейтенант ВМС Энтони Зинни, который командовал операцией, заявил представителям прессы: «Я не считаю трупы... Мне это неинтересно». «Представители ЦРУ в частном порядке признают, что вооруженные силы США, вероятно, убили от 7 до 10 тысяч сомалийцев, при этом потеряв тридцать четыре своих солдата», как мимоходом замечает редактор «Форин Полней» Чарльз Уильям Мэйнз. Когда в декабре 1998 года Зинни командовал бомбардировкой Ирака, в «Нью-Йорк Таймс» был помещен краткий очерк его биографии, где подчеркивалось сильное увлечение Зинни историей и культурой разных народов, которое якобы обусловило его «сочувствие арабским ценностям»⁶⁵.

Количество жизней, спасенных в результате «гуманитарной интервенции», оценивается Американской группой помощи беженцам в 10–25 тысяч, но и эти не столь высокие цифры могут оказаться преувеличенными. Алекс де Вааль из «Африкан Райтс» считает, что большинство смертей было вызвано малярией и отсутствием какой-либо программы борьбы с ней. Де Вааль является ведущим специалистом по проблемам голода и помощи голодающим, причем особенно в данном регионе. Преступления американских военных заключались, в частности, в целенаправленных атаках на больницы и прочие скопления гражданского населения. Другие западные армии также были замешаны в серьезных преступлениях. Некоторые из них удалось раскрыть в рамках расследования, проводимого по инициативе правительства Канады, официальными организациями США или других западных стран оно не дублировалось⁶⁶.

Средства массовой информации, как правило, воспроизводят картину, описанную в самом начале нового года в «Вашингтон Пост»: войска США «были первопроходцами» в операции ООН, но «спасение тысяч сомалийских жизней омрачила гибель восемнадцати американских солдат», и это несчастье привело к «отзыву миссии ООН» из Сомали. Тысячи загубленных сомалийских жизней редко появлялись на экранах радаров, и о них никто не упоминает⁶⁷.

В Гаити первые свободные выборы были проведены в декабре 1989 года, они происходили в разоренной стране, где США правило после кровопролитного вторжения Вудро Вильсона⁶⁸. Ко всеобщему удивлению, двумя третями голосов был избран священник-популист Жан-Бертран Аристид, опирающийся на мощное движение широких масс, которое ранее не принимали в расчет. Напуганный поражением собственного кандидата, получившего лишь 14% голосов, Вашингтон сразу же предпринял шаги по подрыву первой демократической власти в Гаити. Когда через семь месяцев она была свергнута, и ей на смену пришел кровавый военный режим, Вашингтон стал поддерживать с новыми правителями тесные связи в военной области и разведке, тем самым нарушая эмбарго, объявленное Организацией американских государств, и даже давать добро на нелегальные поставки нефти новому гаитянскому режиму и его богатым покровителям.

По истечении трех лет террора США вторглись в страну с целью «восстановления демократии», но на том условии, что правительство Аристида примет американскую программу, решительно отвергнутую им во время единственных свободных выборов. Теперь Вашингтон навязывал крайне грубую версию своих неолиберальных мер. Одним из следствий этого стало падение производства риса — основного продукта, в поставках которого извне Гаити никогда не нуждалось. В рамках навязанных США реформ гаитянским крестьянам было отказано в тарифной защите, вследствие чего они должны были свободно конкурировать с сельскохозяйственным бизнесом Соединенных Штатов, 40% прибыли которого связано с правительственными субсидиями, резко увеличившимися при Рейгане. Сознывая, что может быть уготовано стране в результате подобных мер, авторы отчета USAID (Американского Агентства по международному развитию) за 1995 год отмечали, что «торговля, зависимая от экспорта, и политика инвестиций», санкционированные Вашингтоном, «безжалостно теснят местного производителя риса», который будет вынужден обратиться к экспортной сельскохозяйственной продукции в соответствии с принципами теории разумных ожиданий и к «нечаянной» выгоде американского сельскохозяйственного бизнеса и инвесторов. Совсем недавно таким же образом было разрушено одно из немногих надежных предприятий этой несчастной страны, производство куриного мяса. У американских производителей есть большие излишки темного мяса, которые теперь «наводняют Гаити», вынуждая в рамках навязанной США неолиберальной программы свести тарифную защиту почти к нулю, в отличие от Канады и Мексики, которые обложили импортируемую продукцию более чем 200% пошлиной, чтобы тем самым препятствовать демпинговой политике со стороны США⁶⁹.

В принципе и Гаити могло прибегнуть к антидемпинговым мерам, в порядке возмездия закрыв свои рынки для американских экспортеров и тем самым последовав обычной практике Вашингтона, нацеленной на защиту отечественных производителей. Двусмысленная рыночная теория, которая владела умами в течение сотен лет (нам — заботливое государство, вам — жесткие правила рынка) во всем своем уродстве

проявляется в действиях богатейшей страны мира, направленных на разрушение и без того доведенного до первобытного состояния уголка земли, который уже очень скоро может стать непригодным для жизни.

Согласно Хьюман Райтс Уотч и аналитикам, мнения которых цитируются Советом по внешней политике в Западном полушарии, американские войска изъяли 160 000 страниц документов, относящихся к режиму диктатуры и его военизированным формированиям, и они до сих пор скрываются от гаитянского руководства, кроме тех отредактированных версий, из которых вымараны имена конкретных американских граждан, «чтобы избежать постыдных разоблачений», касающихся участия правительства США в становлении террористического режима и попытках подорвать программы, осуществлявшиеся во время короткой демократической передышки. Администрация Клинтона отозвала свои вооруженные силы в 1996 году, после того как заместитель госсекретаря Струоб Тэлбот, ныне отличившийся на Балканах, заверил Конгресс в том, что «мы будем сохранять контроль над ситуацией с помощью USAID и частного сектора»⁷⁰.

Вероятно, следует вспомнить и то, что Гаити когда-то было одной из самых изобильных колоний мира и источником изрядной доли богатства Франции, стоящим в одном ряду с Бенгалией (ныне Бангладеш); подобные наблюдения могли бы навести нас на кое-какие мысли, будь мы достаточно свободными от плена «сознательного игнорирования». Весьма показательным, однако, является уже то обстоятельство, что Гаити считается хорошим примером, призванным демонстрировать искреннюю озабоченность Вашингтона ситуацией с правами человека, а в данном случае — достоинства его «гуманитарной интервенции».

Кроме того, Гаити позволяет нам глубже понять функциональное назначение статьи 14 Всеобщей Декларации прав человека, которая гарантирует политическим беженцам право убежища. Двадцать лет назад администрация Картера предприняла насильственное возвращение на милость диктатора Дювалье бежавших по морю в лодках людей. Это нарушение 14 статьи было формально ратифицировано договором между Рейганом и Дювалье. Во время короткого и ненавистного обеим сторонам демократического промежутка, когда создалась видимость прекращения террора и поток беженцев уменьшился до размеров тонкой струйки, воцарилась совершенно противоположная политика, и статья 14 снова оказалась в почете. Но как только в результате военного переворота террор возобновился, Вашингтон вернулся к своим «заслуживающим порицания, противозаконным и безответственным мерам в отношении беженцев» (Америкас Уотч). Эти меры решительно осудил кандидат в президенты Билл Клинтон, чьим первым действием на посту главы государства явилось их дальнейшее ужесточение. Верховный Суд утвердил решение о насильственном возврате гаитянских беженцев, очевидно, опираясь в своем толковании международного закона о беженцах на аргументы Швейцарии в пользу барьеров для еврейских эмигрантов, пытавшихся спастись от Холокоста. Так в 1998 году прокомментировал ситуацию главный редактор «Американ Джорнал оф Интернэйшнл Ло», делаясь своим наблюдением о «тревожно обострившемся» в последние десять лет упорстве Вашингтона в несоблюдении своих договорных обязательств, — даже более опасном, чем радикализм Рейгана, ставший своего рода новым шагом как в этом, так и в других аспектах⁷¹.

Короче говоря, «достойные всяческих похвал примеры» на поверку оказываются не самой мощной поддержкой для образа «нового гуманизма», хотя они проливают свет на ценности, которыми он руководствуется.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 1 августа 2025 13:12:36

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 1 августа 2025 13:13:06